

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

УДК 821.111-2.09

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ОСКАРА УАЙЛЬДА И СУФИЗМ

Лаврова А.А.

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, г. Каменец-Подольский, Украина, e-mail: lavrusha1406@i.ua

Цель статьи – выявить типологические соответствия произведений Оскара Уайльда с категориями суфийской философии, символики и поэтики.

Ключевые слова: Оскар Уайльд; суфизм; масонство; символика; поэтика.

Среди всего массива публикаций, посвящённых анализу творчества Оскара Уайльда, нет ни одной, посвящённой рассмотрению проблемы взаимосвязей поэтики писателя с суфийской литературой. Единственным из найденных нами упоминанием о том, что таковое имеет место, стала реплика из статьи об Уайльде в англоязычной википедии, характеризующая основной мотив сказки писателя «Соловей и Роза» как суфийский и мистический [16].

Нами уже была выдвинута гипотеза, согласно которой обращение Уайльда к суфийской доктрине не случайно, а является следствием его участия в масонском движении [7]. Исследователи ислама и масонства отмечают тот факт, что масонская доктрина многое взяла у суфизма как на уровне тщательно разработанного драматического ритуала вступления в семи- или девятиступенную организацию, так и на уровне пути постижения истины: «Восточные корни есть у масонов, розенкрейцеров, <...> начавших <...> с мистики, затем склонившихся к этике, а потом ставших политической организацией» [8, 25]. Прослеживается, по мнению учёных, и взаимосвязь в символике обеих систем. Вообще, по мнению суфия Идрис Шаха, крупнейшего авторитета в области суфизма и литературоведа, суфизм является своего рода «питательным веществом» («суфизм – это дрожжи») всего человеческого общества, внутренним, «тайным» учением, скрытым в любой религии» [15, 5].

Будучи инициированным в Ложу Аполлона в Оксфорде (кстати, до сих пор активно действующую) и получив там высокие градусы посвящения, Уайльд, таким образом, изначально оказался в среде, которая и стала для Англии источником соприкосновения с мусульманской религией, культурой и литературой, т.к. именно в Оксфорде возникает теологическая школа во главе с Роджером Бэконом, который читает лекции по философии и иллюминизму. В иллюминизме Бэкона (как и в трудах других францисканцев, в частности, Роберта Гроссетеста и Джона Пекема [3, 21]) современные исследователи обнаруживают влияние суфиев Ибн Сины и ал-Фараби: «Роджер Бэкон, читавший в Оксфорде лекции по иллюминистской философии (но осторожно называвший ее просто «восточной»), был францисканцем, а на связь между суфиями и францисканцами всегда указывало достаточное количество

фактов» [9]¹. К тому же, с суфийской литературой и философской мыслью английский читатель и интеллектуал (как и – шире – европейский) продолжил знакомство в 1661 г. благодаря Эдварду Поукоку, который перевёл великого Аль-Тургаи, современника Омара Хайяма, и Абу-л-Фараджа. Усилиями Фридриха Рюккerta, профессора восточной литературы Эрлангенского и Берлинского университетов и переводчика, Европе стали известны труды и художественные произведения суфиев Саади, Фирдоуси, Кааба бен Зогейра. Таким образом, смеем предположить, что обращение Уайльда к «восточным» темам и мотивам обусловлено не только «глубинными процессами развития собственно европейской культуры», как утверждает А.В. Геласимов [1, 24], но и упомянутыми выше причинами.

Принимая во внимание то, что объём статьи не позволяет детально рассмотреть все аспекты заявленной проблемы, остановимся на нескольких наиболее, на наш взгляд, характерных моментах.

Нельзя не обратить внимание на близость эстетики Уайльда к эстетике суфизма. Причём близость эта наблюдается на нескольких уровнях. Прежде всего, это понимание Красоты. Суфийская концепция красоты признаёт существование абсолютной, вечной красоты Бога. В принципе, Бог – это и есть Красота. А искусство призвано выступать в роли средства постижения божественной сущности (ср.: «<...> стремление познать связь между Красотой и Истиной и место Красоты в Космосе нравственной и интеллектуальной жизни» [11, 141]). Бог, пишет Алишер Навои в «Искандеровой стене», проявляется во всём. Следовательно, Бог бесконечен, он никогда не перестаёт осуществлять свои желания – совершенствоваться, проявлять свою красоту и наслаждаться ею: «Красота твоя проявляется во вселенной всё время / Во всех атрибутах, / Твоей красоте – всегда другое зеркало» [цит. по: 4, 262]. Обращает на себя внимание созвучность уайльдовского тезиса «Искусство – зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь» [12, 54] этому утверждению. Бог, заявляет суфий Навои, проявился в виде конкретного мира. Все различные вещи, предметы, природа, люди суть формы проявления единой божественной субстанции. Бог никогда не перестаёт проявляться в новых различных формах. Это и есть искусство, и Бог – это искусство. Бог показывает себя в разных зеркалах, и человек также является одним из таких зеркал. Вот почему «Порок и Добродетель – материал для его творчества» [12, 54]. У теоретиков суфизма мы часто встречаем сравнение Бога с великим художником, создавшим мир подобно произведению искусства. Бог, как искуснейший художник, сумел воплотить себя в собственном произведении – в Красоте (ср.: «портрет, написанный с любовью, – это, в сущности, портрет самого художника, а не того, кто ему позировал. Не его, а самого себя раскрывает на полотне художник» [12, 58]). Вся красота мира и вещей – не что иное, как отражение совершенства самого Бога. А поскольку в реальном мире существует безобразное, то при сравнении красоты Бога с красотой природы последняя казалась суфиям иллюзорной и несовершенной. Если же природа прекрасна, то она – творение Бога-художника. С этой эстетической позицией созвучно мнение Уайльда о том, что природа наследует искусство, а не наоборот.

Суфийские теоретики не поддавали сомнению тот факт, что «красота есть неотъемлемое свойство предметов, вещей, которые сами по себе обладают этим дос-

тоинством» [6, 93]. Они обратили внимание и на то, что красота связана с определённой формой предметов: изяществом, грациозностью, симметричностью, порядком, пропорциональностью и т.д. Именно потому они связывали эстетическое восприятие с наслаждением (ср.: «<...> цель искусства – переживание во имя переживания» [11, 163]; «Истина <...> в искусстве – это последнее из пережитых нами настроений» [11, 172]). Вообще, уайльдовский гедонизм сродни культу наслаждения жизнью в суфийской поэзии. Так, у Навои читаем: «О драгоценная жизнь, я люблю тебя больше, чем свою душу! / О драгоценная жизнь, я люблю тебя больше, чем даже ты сама себя»; «В мирском саду сколько бы дней ты ни жил, – наслаждайся» («Чар-диван»); «Жизнь – единственный благоприятный случай» («Муншаат») [цит. по: 4, 250]. Искусство «красивой жизни», привнесённое в европейскую культуру из мусульманской через испанских арабов, требовало, чтоб общество, как минимум высшие его слои, выработало изысканный вкус [13, 44]. Одним из главных составляющих «красивой жизни» было знакомство с образцами литературы, любовь к книгам. Вот почему знаток и апологет искусства «красивой жизни» Уайльд объединяет эти понятия: «Два высших и труднейших искусства – Жизнь и Литература» [11, 139]. Последователь суфия Зирйаба³, который стал «законодателем вкусов калибра Петрония или Бо Брюммеля» [13, 45], Уайльд и сам воплощал его черты, и придавал их своим героям, например, лорду Генри.

Блистательный «принц Парадокс», Уайльд «для противостояния официальной идеологии использует метод контраста как способ отражения действительности, ключом к пониманию которой становятся притчи и парадоксы. Метод контраста и парадокса становится его оружием в борьбе с уродливостью жизни» [10, 12]. На эту особенность творческого метода Уайльда обращали внимание многие исследователи. Однако нам бы хотелось сделать акцент на том, что именно использование парадоксов сближает Уайльда с суфизмом. Так, Роберт Орнстайн отмечает, что «суть суфийского учения не может быть выражена как система взглядов; <...> дух суфизма может быть выражен только парадоксом» [цит. по: 8, 40]. Роберт Грейвс полагает, что многие из суфийских парадоксов существуют в виде забавных рассказов, встречаются также в баснях Эзопа, которого суфии считают одним из своих предшественников [2, 16].

Исследователь отмечает, что шут испанских королей является суфийской фигурой [2, 16], как и Чарли Армстронг, придворный шут английского короля Чарльза I (как тут не вспомнить сказку Уайльда «День рождения инфанты»!).

Философско-эстетические и религиозно-мистические идеи суфизма нашли своё выражение в символической форме: «Суфийский символ своей конкретной чувственностью сильно воздействовал на психику человека, возбуждая у него определённые ассоциации. При помощи подобного рода символа любое эстетическое явление (прекрасное, возвышенное, мера, гармония и т.д.) несло на себе отпечаток абстрактно-божественного, рассматривалось под углом таинственного, мистического» [6, 81]. Для Оскара Уайльда «красота – это символ символов. Красота открывает нам всё, поскольку не выражает ничего. Являя нам себя, она являет весь огненно яркий мир» [11, 154].

Исследователи творчества Уайльда обращали внимание на такие особенности стиля писателя, как словесная орнаментальность, повторы, метафоричность. Это сближает его поэтику с поэтикой суфийской литературы, использовавшей своеобразные художественные приёмы возбуждения психики человека путём резкого перехода к высказыванию (парадоксу), тяготение к символам, аллегориям, изысканной игре слов.

В эстетической доктрине суфизма огромное внимание уделяется трагическому, которое выражается через понятия «смерть», «страдание», «мучение», «тоска», «одинокость» и т.д.: «Смерть в суфизме приобретает мистико-трагическое содержание, ибо путь к небытию (фано), а затем к вечности (бако) лежит через смерть. Вечность (бако) – есть кульминационный пункт трагического в суфизме» [6, 94]. Разве не трагична фигура Саломеи в одноименной пьесе Уайльда? Через страдание из-за любви к человеку Иоканаану и смерть принцесса иудейская получает высшее откровение. Г. Ионкис справедливо замечает, что «Саломея добилась своего: она поцеловала мёртвые уста и произнесла то, что открылось ей на исходе её короткой жизни, когда смерть уже осенила её: «Я знаю, ты полюбил бы меня, потому что тайна любви больше, чем тайна смерти. Лишь на любовь нужно смотреть». Эти **главные слова пьесы** (выделено нами. – А.Л.) остались незамеченными, на Уайльда обрушился град обвинений в безнравственности, в декадентстве» [5]. Именно эти «главные слова» суть доктрина масонской инициации, в результате которой посвящаемый проходит путь духовного прозрения и познания от тезиса, что единственной абсолютной истиной в мире является смерть, до религии любви, стоящей отдельно от всех религий, а через эту истину – до незаметного перехода от любви к Богу (суфийский принцип «У тех, кто любит Бога, нет религий – есть только Бог») к любви к Мудрости, которая по порядку, числу и гармонии (атрибуты гносиса, которому поклоняются масоны) приравнивается к Богу, но являться им не должна.

Примечания

1. Э. Скотт по этому поводу пишет: «Та деятельность святого Франциска, о которой нам известно, и природа францисканского учения предполагают связь с источником на Востоке — факт, который, по-видимому, не спешила подтверждать ни одна из сторон. В книге, написанной сравнительно недавно итальянским теологом (графом Альберто Денти ди Пираньо (*см. библиографию, [15] – А.Л.*), не слишком озабоченным метафизическими вопросами, есть любопытный фрагмент о дружбе католического (францисканского) епископа и суфийского учителя» [9]. В свою очередь, Роберт Грейвс прямо называет Роджера Бэкона суфием [2, 14].

2. Так, И.А. Козловский пишет: «Есть гипотеза, что до ислама суфиями в Сирии и Северной Аравии называли странствующих монахов и анахоретов различных христианских направлений» (Козловский И.А. Избранные лекции по теории и практике религиозного мистицизма. В 2-х т. – Т. 2 : Суфизм. – Донецк: Норд-Пресс, 2010. – С. 10).

3. Музыкант и певец, суфий Зирйаб жил в Кордове с 822 г. и до своей смерти в 857 г. В молодости он играл в Багдаде перед великим Гарун аль-Рашидом. Зирйаб многое сделал для формирования вкуса и стиля «красивой жизни», например, определил последовательность подачи блюд, которому до сих пор следуют на торжественных обедах, был автором многих рецептов изысканных кушаний, наглядно доказал, что тонкая стеклянная посуда изящнее тяжеловесной золотой и серебряной, был законодателем мод в области причёски и ввёл обычай носить разную одежду в зависимости от сезона.

Литература

1. Геласимов А.В. Оскар Уайльд и Восток : Ориентальные реминисценции в его эстетике и поэтике : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.05 «Литература народов Европы, Америки и Австралии» / Андрей Валерьевич Геласимов. – М., 1997. – 226 с. – Библиогр.: с. 221-226.
2. Грейвс Р. Введение / Роберт Грейвс // Шах И. Суфии / [Пер. с англ. Н. Богомоловой]. – Х. : ПКП «Прогресс», 1993. – С. 3-17. – (За семью печатями). – ISBN 5-85-273-254-0.
3. Журавский А.В. Христианство и ислам : Социокультурные проблемы диалога / Алексей Васильевич Журавский. – М. : Наука, ГРВЛ, 1990. – 128 с. – Библиогр.: с. 117-123 (220 назв.). – ISBN 5-02-016992-7.
4. Захидов В.Ю. Мир идей и образов Алишера Навои / Вахид Юлдашевич Захидов. – Ташкент : Гослитиздат УзССР, 1961. – 376 с. – Библиогр. в постраничных примеч.
5. Ионкис Г. Оскар Уайльд и Саломея, царевна иудейская / Грета Ионкис // Заметки по еврейской истории : Сетевой журнал. – № 20. – 29 сентября 2002 г. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.berkovich-zametki.com/Nomer20/Ionkis1.htm
6. Курбанмамадов А. Эстетическая доктрина суфизма : (Опыт критического анализа) / [Отв. ред. А. Мухаммедходжаев; АН ТаджССР, Отд. филос.] / Акназар Курбанмамадов. – Душанбе : Дониш, 1987. – 108 с. – Библиогр. в примеч. : с. 96-108.
7. Лаврова А.А. Оскар Уайльд и категории суфийской философии, символики и поэтики / Алла Александровна Лаврова // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка : Філологічні науки. Вип. 30. – Кам'янець-Подільський : Аксіома, 2012. – С. 183-187. – Библиогр. в конце ст. (22 назв.).
8. Русанова М.А. А.С. Грибоедов и суфии / Мария Александровна Русанова. – Новосибирск : Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки, 2003. – 144 с. – Библиогр.: с.129-141. – ISBN 5-9294-0027-X.
9. Скотт Э. Люди тайны [Пер. с англ. А. Степанов, Ю. Переведенцев] / Эрнст Скотт. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fourthway.narod.ru/lib/SecHum/glava9.htm>
10. Тумбина О.В. Контраст и парадокс в повествовательной прозе Оскара Уайльда : (К характеристике творческого метода писателя) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.03 «Зарубежная литература» / Ольга Владимировна Тумбина. – СПб., 2004. – 191 с. – Библиогр.: с. 184-191.
11. Уайльд О. Критик как художник / [Пер. с англ. А. Зверев] / Оскар Уайльд // Писатели Англии о литературе : XIX-XX вв. : Сб. статей. – М. : Прогресс, 1981. – С. 131-186.
12. Уайльд О. Портрет Дориана Грея / [Пер. с англ. М. Абкиной] / Оскар Уайльд // Уайльд О. Стихотворения; Портрет Дориана Грея; Тюремная исповедь. Киплинг Р. Стихотворения; Рассказы. – М. : Худож. лит., 1976. – С. 53-234 : ил. – (Библиотека всемирной литературы. Серия вторая: Литература XIX века. – Т. 118).
13. Уотт, Монтгомери У. Влияние ислама на средневековую Европу / [Пер. с англ. С.А. Шуйского, отв. ред. и автор предисл. А.В. Сагадеев] / Уильям Монтгомери Уотт. – М. : Наука, ГРВЛ, 1976. – 128 с. – Библиогр. в примеч. : с. 111-123.
14. Шах И. Суфии / [Пер. с англ. Н. Богомоловой; предисл. Р. Грейвса] / Идрис Шах. – Х. : ПКП «Прогресс», 1993. – 141 с. – (За семью печатями). – ISBN 5-85-273-254-0.
15. Pirajno A.D. di. A Cure for Serpents / Alberto Denti di Pirajno. – L. : Eland Books, 2006. – 272 p. – ISBN-10: 0907871445, ISBN-13: 978-0907871446.
16. The Happy Prince and Other Tales / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/The_Happy_Prince_and_Other_Tales

Лаврова А. О. Естетичні погляди Оскара Вайльда і суфізм / А. О. Лаврова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 360-365.

Стаття має за мету виявити типологічні відповідності творів Оскара Вайльда з категоріями суфійської філософії, символіки та поетики.

Ключові слова: Оскар Вайльд; суфізм; масонство; символіка; поетика, естетичні погляди.

Lavrova A.A. Oscar Wilde's Aesthetic Views and Sufism / A. A. Lavrova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 360-365.

The purpose of the article is to identify the typological correspondence of the works by Oscar Wilde with the categories of Sufi philosophy, symbolism and poetry.

Key words: Oscar Wilde, Sufism, Freemasonry, symbolism, poetics.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г